

Роман Чусовской

Темные зеркала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Николаевич Чусовской

Темные зеркала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71193382

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда-то давно в мире существовали волшебные существа. Но мы ведь явно не для томной истории про Средневековье собрались?

Александр жил обычной жизнью, ну если таковой ее можно назвать. Родители погибли в автокатастрофе, а оставшегося на попечительстве младшего брат, Саша забрал из детского дома, оформив опеку. Так бы они и жили вдвоем, на съемной квартире, если бы в жизни Саши не появилась она – таинственная незнакомка в черном, и именно отсюда мы и начинаем нашу историю...

Содержание

===== -1- =====

4

===== -2- =====

11

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Роман Чусовской

Темные зеркала

===== -1- =====

«Зачем вошёл в твой дом?

Здесь всё горит огнём!

Я тень твоя! Я тень твоя!»

Заглушая певца, зал гремел сотнями голосов. Запрокинув голову, Таис качалась в такт музыке, не слыша собственный голос. Никаких стульев, только танцпол! Пульсирующие лучи дискотечных лазеров скользили по деревянному полу, кирпичным стенам, людям. Позади уже порядком подвыпивший парень настойчиво скандирует: «ОВЗЛ! ОВЗЛ!» Кто-то подхватывает...

Старинное место, дышащее историей, теперь напоминало ей полную чашу пьяного мёда. Люди. Так много людей. Сейчас им хорошо, их энергия хлещет через край. Так беспечно! Так щедро! Так упоительно! В самом начале Таис уже прошла по залу, и не раз, трудолюбивой пчёлкой, собирая свой урожай и напитываясь людской силой. Это будоражило и делало её счастливой. Но сейчас ей хотелось только быть у сцены. В конце концов, не просто же так она ловила билет аж за полтора месяца до концерта.

Таис скользнула по толпе взглядом, подмечая подобных себе. Улыбнулась. Это ожидаемо. Такое место – грех не воспользоваться. Но сегодня здесь хватит всем. Досыта. Она уже было отвернулась к сцене, когда танцпол вновь залил свет, сменившись с холодного синего на белёсо-красный, выхватывая из темноты фигуру в тёмной толстовке с приподнятыми выше локтей рукавами и нашивкой в виде языка пламени на плече, – парень был занят чтением сообщений в телефоне. Вот так, среди концерта. И Таис замерла. Как интересно.

«Скучно», – как на репите крутилось в голове, пока палец листал в телефоне пёструю ленту новостей. Ещё на входе Саша неоднократно ловил себя на мысли, что не стоило сюда приходить, что ему тут не нравится, но слово есть слово: вылетит – не поймаешь.

Когда в Москве, с парнями по пожарному караулу, условились махнуть в местный клуб, в случае победы на межрегиональном первенстве по плаванию, он и представить не мог, что у тех давно всё было схвачено. По сути, победа или поражение не имели существенного значения.

И вот он здесь, голодный, в меру злой, угрюмо взирающий в мобильник, в котором мелькала новостная лента. Он устал. Хотел домой. А друзья-товарищи растворились в море колышущихся тел. Поначалу ещё было слышно, как Димон с Костей, вскинув руки, орут (ну вот не поют, не-а) знакомые им слова. Теперь же только их макушки виднелись во вспышках света. И то через раз.

Саня открыл мессенджер, когда почувствовал на себе взгляд: внимательный, открытый, изучающий. Ощущения были ему в новинку, такие сильные, почти осязаемые, что не заметить их было бы сложно, а вот вычислить того, кто столь внимательно разглядывал его в такой толпе – куда сложнее. Людей как сельдей в бочке. Вскинув голову, Саша цепким взглядом просканировал зал и достаточно скоро обнаружил её – крайне запоминающуюся девушку с чёрными волосами, голубыми любознательными глазами и небольшой, но крайне сексуальной родинкой над губой.

В моменте Саша даже почувствовал желание, но, одёрнув себя, вновь взглянул на место, где была незнакомка, однако черноволосой там уже не было.

Нахмутив брови, парень спрятал телефон и двинулся вперёд, разрезая толпу, словно нож – масло, и, добравшись до места, где приметил обладательницу глаз-океанов, вновь огляделся: совершенно никого.

«Что за наваждение?» – пронеслось в голове. Раздражение нахлынуло новой волной. Достав мобильник, Саша коротко черкнул другу: «Здесь совершенно нехер делать, я сваливаю!»

И, вновь запрятав мобильник в карман, повторил «обряд инициации», пробираясь сквозь скованных в танце людей к выходу. Именно скованных, поскольку при такой плотности на квадратный метр, можно разве что стоять и качаться. Запахи парфюма смешивались с запахом пота, делая воз-

дух спёртым. Кто-то, видимо, не выдержал и распахнул окно, плотная тёмно-синяя портьера вздулась огромным парусом, преграждая путь. Саша едва успел отвести её от лица. Потянуло осенней сыростью и ночными заморозками.

– Уходишь? – будто зная его лет сто, спросила Таис, вынырнув из тени. По реакции парня с удовлетворением отмечая, что тот её увидел и услышал. Впрочем, разве это проблема, если она хотела быть увиденной и услышанной?

– Да вот подумал, что клубы – не моё, слишком помещение резонирует, – честно признался Саша, пытаясь налюбоваться на девушку.

Вблизи она оказалась ещё миниатюрнее и нежнее, словно маленькая фарфоровая куколка. И всё же необъяснимо чувствовалось в ней нечто необузданное и дикое, и дело даже не в откровенном взгляде с прищуром. Она была необыкновенно красива, обворожительна и крайне возбуждающа.

– Тогда что тебя до сих пор здесь держит? – Таис скрестила руки на груди, выгодно подчёркивая её в V-образном вырезе тёмного платья.

Саша сглотнул, запоздало осознавая, что разволновался, как зелёный юнец. Даже ладони вспотели. Твою ж мать! Перед девицами пасовать, такого с ним ещё не бывало. Девушка же явно его провоцировала, очевидно, отводя ему роль дичи.

– Не что, а кто, – коротко ответил Саша, указывая рукой на светлеющий зев выхода впереди. – Пойдём отсюда?

– Мне казалось, тебе нравится музыка, – Таис удивлённо вскинула бровь и лёгким взмахом поправила волосы, от чего деревянные бусины на многослойном браслете глухо и приятно брякнули. Удивительно, но Саша их услышал, в таком-то грохоте.

– Я не сказал, что музыка плоха. Я, видно, не шибко люблю ограниченные пространства, забитые толпами потных людей.

Таис глубоко втянула носом воздух, пряный от людских эмоций, окинула зал удовлетворённым и одновременно сожалеющим взглядом и улыбнулась:

– Ну, пойдём.

Время уже давно перевалило за полночь. Уличные фонари освещали пространство тусклым светом галогенных ламп. Редкие хлопья снега, красиво и неспешно кружась, оседали на асфальт. Образовавшие за день лужи схватило тонким ледком. И всё же, несмотря на осень, температура была ещё относительно приятной, если бы не пронизывающий ветер.

– Куришь? – поинтересовался, закуривая Саша.

Таис лишь брезгливо дёрнула уголком губ, продолжая с интересом его изучать. Парень пожал плечами и отвернулся. Выпуская кольца сизого дыма, он вдруг задумался: что же происходит? Обычно... Обычно с ним такого не случилось. Даже если и цеплял какую девушку в баре, то дальше всё было предельно просто, согласно схеме развития пожара: начальная стадия (не более десяти минут), стадия объём-

ного развития пожара, затухающая (под утро). И для него, и для неё.

Однако сейчас... Сейчас всё было по-другому. Окурок полетел на припорошенный первым снежком газон.

– Меня Сашей зовут, – назвался было парень, но осёкся. Почему-то ему не хотелось вести её к себе в номер, что-то с ней было не так.

– Александр, – нараспев произнесла его имя девушка и посмотрела на него своими чарующими глазами. – Выходит, ты – защитник...

Саша непроизвольно перехватил её взгляд и просто выпал из реальности. Улица, фонари, редкие прохожие, звуки – все расплылось, рассеялось, растворилось. Остались только эти глаза-океаны... И он в них тонул. Без надежды на спасение.

– Как тебя зовут?

«Попался», – шепнуло эхо и понеслось снежной позёмкой по тёмному переулку.

– Таис, – она не торопила, чувствуя себя умелым рыбаком.

– Экзотическое имя...

– В честь гетеры Таис Афинской. – Девушка отвела трепещущую на ветру прядь от лица, и бусины на тонком запястье знакомо перестукнулись. – Мой отец очень любил Ефремова.

Шагнув вперед, Саша тёплыми пальцами нежно коснулся чёрных волос. словно в тумане, повинаясь древнейшим инстинктам, он склонился к Таис, ощущая её прерывистое

дыхание. Руки скользнули в расстёгнутый, белый с серебристыми снежинками пуховик, сжали тонкую девичью талию. Таис податливо выгнулась, сверкнула глазами-звёздами, запрокидывая голову, отдаваясь мгновению полностью.

И, подавшись вперёд, он поцеловал её.

Тёмное стекло отражало всполохи синего сигнала сообщений и не гасило, а лишь усиливало звук вибрации. Таис протянула руку и на ощупь нашла телефон: «03:20» – ярко вспыхнуло на экране. Подавив полный разочарования и раздражения стон, она на мгновение прикрыла глаза ладонью и вновь взглянула на экран. Тридцать два пропущенных звонка и восемнадцать сообщений. 32 и 18! И все от девчонок из ковена. Что такого могло случиться? До Самайна ещё дня три! Всё же успеется...

Хотела приподняться и сесть поудобнее, но мужская рука под грудью держала крепко. Таис оглянулась через плечо, лёгкая улыбка тронула зацелованные до боли губы. Это был прекрасный концерт и упоительная ночь. Таис произвольно облизнула припухшие губы, будто наевшаяся досыта кошка. Собранной энергии хватит и на Велесову ночь и на Колесо года. Да почти до проводов Морены!

Сила бурлила в крови, будоражила кровь, и Таис уже знала, что с этим делать. Девушка осторожно вывернулась из объятий. Сашина рука скользнула по коже и осталась лежать на ещё тёплой подушке. Таис включила торшер, ни капли не заботясь, что свет может разбудить парня. Не может. Лёгкая усмешка вновь тронула губы. Саша спал так мирно, так беспечно, что она, невольно залюбовавшись, на мгновение за-

была про сообщения подруг. Оказывается, у него густые и довольно длинные ресницы. Непривычно. Хотя... У псовых всегда глаза красивые. Девичий пальчик коснулся чёрного «веера». Задумчиво сжав губы, девушка вздохнула, сняла с запястья одну из нитей браслета, ту, что с можжевельновыми бусинами и защитным ставом, и затянула её на мужской руке.

– Впредь не будь таким беспечным, Саша, – едва слышно шепнула ему в ухо и выскользнула из кровати.

На цыпочках прокралась в ванную комнату и уставилась в зеркало. С изумлением потрогала губы, коснулась всклокоченных волос. Ну. И. Видок.

– Однако, – хмыкнула и включила воду.

Можно действительно не беспокоиться, чтобы разбудить парня, – тот проспит до полудня точно, всё-таки забрала она у него немало. Впрочем... Не больше дозволенного. А если нить не снимет, то и в будущем его никто не тронет. Этот браслет ей пару лет назад собрала Люся из Твери. Сильная, старая ведьма. И с иными, и с людьми работала. Нужен сильный, рабочий оберег или амулет – только к Люсе.

Вновь загудел мобильный. Промокнув лицо полотенцем и натягивая, наконец, платье, Таис ответила на звонок:

– Да, Алён. Что?..

Но в ответ раздалось такое рыдание, что Таис на всякий случай взглянула на номер – да нет, точно Алёна из их ко-вена.

– Ты где?

О. А этот властный голос уже принадлежал Марго – их Верховной. Вообще, странный вопрос. В своё время их ковен собрался скорее для общения, обмена силами, знаниями, поддержки друг друга. Как таковой чёткой иерархии никогда не было, как и правил. Так, слёты на шабаши по поводу особо значимых дат. И уж точно никто ни перед кем не отчитывался.

Марго истолковала молчание Таис верно и тут же смягчила голос, добавив устало:

– Позавчера Люсю нашли мёртвой в собственной мастерской, а вчера – её ученицу. Совсем молоденькую девчонку.

– Что? – переспросила Таис, пошатнулась, но ухватилась за столешницу раковины.

В голове зашумело. «Какой-то бред. Это какой-то бред!»

– Полиция предполагает убийство на почве личной неприязни.

На заднем фоне так громко и сильно рыдала Алёна, что и Марго, и Таис сбивались с мысли. В конце концов, Марго попросила кого-то отвести её на кухню, умыться, дать воды с лавандой.

– Какая неприязнь? – выдохнула Таис.

– Это они так говорят, – понизила голос Верховная. – Та-ся, у Люси в квартире все зеркала разбиты. Понимаешь?! Все! И у девчонки той, ученицы, тоже. А ещё они пустые! Обе!

Горло сдавило от ужаса. Так что ни сглотнуть, ни вздохнуть.

– Ты же не думаешь, что это они? – шёпот, больше похожий на выдох, и через тысячи километров донёсся до Марго.

– Просто прилетай, Таис. Сразу, как сможешь, прилетай. Никуда одна не ходи. Никого к себе не пускай. Жду тебя.

Экран погас, но голос Марго в голове звучал отчётливо. Открыв на полную кран с горячей водой, Таис приглушила свет и наблюдала, как пар затягивает отражение. Изнутри, с той стороны зеркала, кто-то невидимый со скрипом чертил незнакомые этому миру руны.

– Внутреннее зло. Омрачение. Очернение. Разрушение. Пустота, – вцепившись в холодный гладкий край раковины, Таис едва слышно читала их. – Вот, значит, как.

Резко протёрла ладонью запотевшее зеркало, смахивая начертанное, выключила воду. Её потряхивало от страха, и было за это совсем не стыдно.

Не заботясь больше о спящем ночном любовнике, девушка поспешно покинула номер, не забыв при этом проверить – закрыла ли дверь.

«Вставай! Иначе всю жизнь проспишь!» – шептал до боли знакомый голос.

«Сашенька, вставай, обед стынет», – ласково позвал он же.

«Вставай, хватит! Вставай! Саня, родной, вставай! ВСТАВАЙ!!!»

Парень резко разомкнул глаза. Сердце бешено билось в груди, аж больно. Судорожными глубокими вдохами глотая воздух, Саша, поёрзав, приподнялся вверх по подушке, потёр ладонями лицо, окончательно просыпаясь. В голове гудели ночные отзвуки воспоминаний, их было так много, словно пчёл на пасеке. Они будили ужас и отчаяние, которые, казалось, он давно перемолол и принял, как неизбежно свершившееся. Но нет. Всё бестолку {?}[устаревшая форма данного наречия и сейчас актуально наречное сочетание «без толку», но мы используем именно его]. Хотя с той автомобильной аварии, унёсшей всех его близких, и минуло уже не меньше тысячи дней, ничего в душе не зажило. События почти трёхгодичной давности не давали покоя нигде: ни на поминках, ни на комеди-шоу знакомого стендапера, ни на концерте. Свист тормозов, стеклянное крошево, сверкающее в лучах осеннего солнца, как рассыпавшиеся бриллианты, – красиво. Крупные осколки банок, волосы сестры в малиновом варенье вперемешку с кровью. Всё это никуда не делось. Кто сказал, что время лечит? Плюньте ему в глаза.

Повозив рукой по уже остывшей простыне, Саша разочарованно цыкнул. Ну, этого и стоило ожидать. По Таис изначально было видно, что придумывать имена общих детей после случайного секса явно не к ней. Но где-то внутри свербело сожаление. И досада на себя, как вообще можно было

так вырубиться, чтобы не слышать, когда ушла девушка. Не бывало с ним такого. Про него в части даже говорили, что «слух, как у собаки».

– Стыд и срам, – припоминая Мойдодыра, полунапевал, полубормотал себе под нос, пока шёл в ванную комнату, на ходу натягивая на голое тело мятые футболку и шорты. – Та-ра-рам.

Замерев на пороге, он резко приняхался: недавно ушла, часа два назад, не больше.

Взгляд машинально упал на вспыхнувший большими цифрами экран телефона.

– Лять! – в сердцах ругаясь, Саня метнулся в комнату, практически с лёту запрыгнул в джинсы.

Свитер нашёлся в углу под торшером, один носок – под журнальным столиком, второй – на нем. На бегу пакуя чемодан, Саша просто сгребал в него все, что попадалось на глаза. Скоростные, ёпта, сборы!

– С*ка! С*ка, С*ка!!!

Кое-как совладав с треклятой молнией, пулей вылетел из номера, едва не забыв сдать на ресепшене карту.

Менее чем за час до вылета он примчал в аэропорт, где в укромном уголке у крайней стойки регистрации его уже ждала вся команда.

– Сань, ну ты чё? Мы тебе сколько звоним? – недовольно глянул на него Димон, подавая худощавому парню в белой рубашке и синем галстуке паспорт и выкладывая сумку на

весы. – С собой только ручная кладь.

– Да, все норм. – Вдох носом – выдох ртом, чтобы восстановить дыхание, подать документы и подмигнуть милой блондиночке за соседней стойкой. – Вроде успел.

Девушка стрельнула глазками в ответ, повязала бирку на чемодан, вернула документы уже с посадочным.

– Замерьте, пожалуйста, ваш багаж, – агент регистрации отрепетированным жестом указал Диме на калибратор{?}[в специальный измерительный прибор для проверки габаритов чемодана или сумки] позади столпившихся парней. Те засуетились, расступились, давая другу возможность забрать сумку и поместить её в прибор.

– Крышка должна закрыться, – безэмоционально ровно продекламировал агент.

Саня нервно глянул на часы и с силой вдавил внутрь Димину сумку. Крышка хлопнула, закрываясь.

– Надеюсь, у тебя ничего хрупкого не было? – запоздало уточнил.

– Видимо, уже нет, – Димон забрал сумку, документы и в общей компании двинулся к эскалатору. – Как сам?

– Проспал.

– Ты, случаем, марафонскую не гонял там ночью? – усмехнулся Костя, складывая кроссовки и куртку в большой контейнер.

– Потом, всё потом, мужики!

Босиком ходить по холодному кафелю – такое себе удо-

вольствие, да и трепаться о Таис с парнями отчего-то не особо хотелось, хотя по глазам видел – не слезут.

Сотрудники зоны досмотра уверенно и безэмоционально регулировали людские потоки.

– Проверьте ещё раз и выложите все металлические предметы, пройдите сканер повторно, – отмечая растущую очередь и нервозность будущего пассажира, ему терпеливо подсказали: – Мелочь в карманах, часы, пряжка на ремне.

Наблюдая за возникшей суетой, Саша коснулся запястья, желая снять часы заранее, и только тогда понял, почему не сработал сканер на входе в аэропорт – на руке не было часов, он забыл их в номере, на тумбочке у кровати! А не чухнулся, потому что запястье охватывал браслет из голубых и деревянных бусин. Такие же у Таис побрякивали. Саша поднял руку повыше, с удивлением рассматривая неожиданный подарок и мгновенно забывая мимолётное сожаление от потери. Скользнул взглядом по снующим и шуршащим вещами людям в поисках Таис. И самому стало смешно над собой. Кого он ищет в толпе? Девочку-ночь?

– Чего застыл? Шагай давай, – плечом подтолкнул его к сканеру Костя.

Стройные стюардессы приветливо улыбались, подсказывали, куда проходить. Народ копошился у своих мест, засовывал куртки и сумки в верхние багажные отсеки.

Их места находились у крыла. Наплевав на посадочные, Димка занял место у иллюминатора, в середину Костя, с не

терпящим возражений видом, усадил Саню, перекрыв ему все возможности к побегу. Макушки остальных парней из части можно было угадать в разных концах салона.

– Запасные выходы здесь, здесь, здесь и здесь, в общем, где угодно, – Димон, голосом Джина из Аладдина, тихонько передразнивал декламирующую стандартную речь стюардессу.

Саша проверил наличие спасательного жилета под сиденьем, пристегнулся.

– Вот что ты дёргаешься? – шепнул ему на ухо напарник. – Видел «На солнце, вдоль рядов кукурузы»? Это про них. Если до Москвы не довезут, то хоть живыми на землю вернут, стопудово.

И заржал. Саня изловчился и отвесил приятелю подзатыльник. Вот же козлина! Летать Саша не то чтобы боялся, просто не фанател небом.

В салоне погас свет и, набирая скорость, исполинская машина пошла на взлёт. Едва ощутимый толчок при отрыве от земли, от которого перехватило дыхание. Дима прилип к иллюминатору и щёлкал камерой телефона. Ну как дитя малое, ей-богу. Аж стыдно. Даром, что пожарный – такой в огне не сгорит, а в воде утонет. Глубоко вздохнув, Костя вынул из кармана горсть шелестящих мятных карамелек, раздал парням. Исполинская машина устремилась вдаль. Саша смог наконец шумно выдохнуть и занять голову попытками оживить воспоминания о чарующей брюнетке.

Самолёт набрал высоту, загорелся значок «Расстегнуть ремни», по салону бортпроводники, парень с девушкой, покатали гружёную разной снедью тележку, предлагая горячие и прохладительные напитки, перекусы.

– Ну ты чё? Рассказывай, – отвлечённый запахами еды и шебуршанием упаковок от созерцания бескрайнего облачного моря Димон развернулся к Сане всем корпусом и изобразил предельное внимание. – Что за цыпа?

– Тебе-то какое дело? – Саша отпихнул от себя товарища, указал пальцем в иллюминатор, мол, туда смотри. И передал ему заранее заказанный сэндвич с курицей и кофе.

– Блин, почему в самолёте всегда так вкусно жрётся? – Димка послушно откинул столик, водрузил на него еду. – А ты не увиливай. Колись давай.

– Слушай, я ж не спрашиваю тебя о том, как твой вечер с бутылкой прошёл? – взбрыкнул Саня.

– Фигасе уравнил, – не согласился Дима, подул на кофе, отхлебнул и добавил ещё сахара.

– Ты сам сказал: всё потом, вот мы и ждём, – подбавил Костя, делано негодуя.

Саша демонстративно отвернулся. В одну сторону – Димка бровями дёргает, в другую – Костя подзуживает. Лять! Уставился перед собой. На что оба друга в голос заржали, ввиду комичности данного выхода из ситуации.

– Бля, ладно, – начал было Саня, но, взглядевшись в проход между креслами, потерял дар речи.

В нос самолёта, кое-как справляясь с высоченными кабелями, шла она.

– Какого? – опешил Костя, едва успев отвести руку с пластиковой чашкой чая, когда Саша толкнул его и, перепрыгнув через скрещённые ноги, ломанулся вперёд.

Едва не сметая на ходу испуганную стюардессу, Саня ввалился в небольшое пространство, отгороженное плотной шторой, и тут же замер, осёкшись.

Это была просто брюнетка, лишь сзади и издали напоминавшая Таис. Совсем немного. А вблизи... Саша разочарованно и поспешно извинился. Настолько сильно ему точно не могло фортануть. Оставалось только выругаться про себя и неловко ретироваться к парням. А у тех глаза горели и физиономии светились так, что аж слепило. Засранцы!

В демонстративном молчании Саня, под улюлюканье довольных представлением парней, уселся на место и, отмахнувшись от сослуживцев, как от назойливых мух, надел наушники и, включив музыку, сделал вид, что провалился в сон.

Тревожно зазвонил звонок, сообщая о поступившем вызове. Караул, срываясь с места, быстрыми и отточенными движениями надевает БОП{?}[боевая одежда пожарного] и, наспех отворяя ворота, выскакивает в зону посадки на автомобиль.

Саша инстинктивно подорвался и боднул лбом спинку кресла впереди. Схватился за ушибленное место и окон-

чательно проснулся. Сон. Это был лишь беспокойный сон. Вслушиваясь в свой бешеный сердечный ритм, Саня кожей чувствовал шарящие по нему взгляды встревоженных пассажиров. Коротко извинился и уселся обратно в кресло.

– Мужик, ты совсем ебобо? – поинтересовался Костя, следуя рекомендациям стюардессы и убирая столик.

Поджав губы, Саша глянул на Диму, будто ища поддержки. Сердце продолжало заходиться в одном ему понятном галопе.

– Вызов приснился, видно. У мальчика впереди похоже наушники отключились, и, то ли фильм, то ли игрушка какая на телефоне звякнула. ХЗ, в общем. Я уж сам чуть не вскочил, – Дима выглянул через Сашино плечо к Костяну, пристегнул ремень.

Костя лишь пожал плечами в ответ, он такого ничего не слышал. Но, по сути, ему было без разницы.

Самолёт мягко коснулся посадочной полосы, и салон наполнился благодарными аплодисментами. Как только разрешили, парни вместе с остальными пассажирами потянулись к багажным отсекам над креслами за сумками и куртками, а затем двинулись по проходу в плотном потоке людей к выходу, где симпатичные девушки, упакованные в униформу авиакомпании, мило улыбаясь, провожали пассажиров из самолёта. Или выпроваживали. Это с какой стороны посмотреть.

Тряхнув изрядно отросшими волосами, Саша устремился

к автобусу, который вскоре примчал их к зданию аэропорта, где вскоре по конвейерной ленте поплыли чемоданы. Костян что-то жужжал на ухо про шикарную блондиночку и слегонца фальшивил про «обожаема ты и желанна». Дима даже не взглянул на фото стюардессы в протянутом телефоне. Какой смысл? Подружки-«неделька», как их прозвала Маруся, диспетчер из их части.

– Это которая будет? Среда?

– Обижает, – парень спрятал мобильник во внутренний карман куртки. – Такая куколка вне графика!

Приложение пикнуло напоминанием о прибытии такси. Огромные стеклянные двери плавно разъехались в стороны, выпуская парней на улицу. Осень есть осень, хоть в Екате, хоть в Москве. Ну, может, чуть теплее. Ну, может, и не чуть... Но всё равно прохладно. Оглядевшись, Саня глубоко вздохнул, поёжился, подхватил чемодан и, распрощавшись с ребятами, направился к такси. В разные им стороны: парням – по домам, отсыпаться, а ему ещё надо в часть заглянуть – забрать боёвку.

Откатные ворота, весело звякнув, отворились, выпуская на охраняемую территорию. Махнув рукой дежурному, Саша направился к начальнику части. Вроде и не было его всего пару дней, а ощущение, что вернулся в родные места, всё равно накрыло. Пройдя мимо раздевалки, Саша упёрся

лбом в закрытую дверь кабинета с табличкой, на которой ровным и аккуратным шрифтом на уровне глаз было выведено имя начальника: «Геннадий Игоревич Шматко». Добрый, но строгий мужик с нелёгким жизненным путём, ответил внушительным басом на двойной условный стук, и, протиснувшись внутрь, Саня радостно бухнулся на стул перед огромным продолговатым столом.

Здесь, в кабинете, всё было как всегда на своих местах. Вешалка, на которой высились БОП начальника и его аппарат, громоздилась за дверью. Чуть дальше, ближе к окну, стоял большой шкаф с гражданскими вещами. Центральное же место занимал большой стол, за которым восседал крупный мужчина в годах, с аккуратными капитанскими усами, за что среди своих и получил прозвище «Морж».

Вспомнилось, как два года назад, узнав о прозвище, начальник построил всех по струнке и долго увещевал на тему того, что «позывной у него не «Морж» и вообще не относится к семейству моржовых». Мужики в карауле стояли тихо, с серьёзными физиономиями тупили взгляды, и старались не рассмеяться, ибо чуяли, что это построение было больше ради шутки. В конце концов, Шматко и сам заржал, ознаменовав тем самым окончание построения.

– Добрый день, Геннадий Игоревич, – сказал наконец Саша.

– Привет, – начальник поднялся и, по-отечески похлопав парня по плечу, крепко пожал руку. – Поздравляю, вы на-

стоящие молодцы.

То, что Шматко и впрямь доволен, было видно невооружённым глазом по глубоким лучикам вокруг глаз.

– Спасибо, Геннадий Игоревич, – губы сами расплылись в широкой улыбке. Премия за такие соревнования обычно не выписывали, но за победу полагались разные «плюшки» для части, а это порой дорогого стоило.

– Да, вот ключи. Тут поставку сделали, менять боёвку будешь?

Схватив ключи от машины со стола, Саня почесал голову, подумав:

– Не, у меня пока все в порядке. Там Костян жаловался, мол, подклад дырявый. Я глянул, там у него вообще пи*дец: разошлись штаны по шву и дыра на спине, залатанная.

– Понял, спасибо, Саш.

Попрощавшись, Саня поднялся. Стул, двигаясь, заскрипел по полу металлическими ножками. По большому счету в части иных дел не было, да и в целом на этот день имелись свои планы. После аварии, забравшей родителей и старшую сестру, забота о мелком всецело легла на Саню. Тётки-дядьки и друзья-товарищи родителей – все стремительно рассосались, когда на похоронах Саша уверенно ответил одной из тётушек, слёзно жалевшей «сиротинок», что «сиротинок» не будет и опеку над братом оформит на себя. Тёткин муж со знанием дела, – видать, вопрос уже провентилировал, – заявил, что двадцатилетнему парню да без образования и ра-

боты никто ребёнка не отдаст. Как в воду глядел, падла.

В общем, как пришлось драться с органами опеки за брата, даже за углом школы не случилось. На него смотрели свысока и не всерьёз. И бился бы Саня как рыба об лёд, если бы случайным свидетелем очередной его встречи со специалистом Отдела опеки и попечительства не стал начальник органов опеки одного из областных городов. Мужик оказался грамотным и понимающим. В небольшом кафе, через два дома от здания Управления, куда пригласил его Владимир Фёдорович после Саниного излишне эмоционального выплеска, беседовали они долго и обстоятельно. А после началось: тестирование, встречи с психологом, анализы, сбор и представление документов на квартиру, экстренный поиск работы. Вот тогда-то и свела Сашу судьба со Шматко и нынешним начкаром{?}[начальник караула], Виталием Антоновичем Злобиным.

– Иди учись, – даже не слушая, отправил его тогда восwoяси Злобин. – У нас тут такая работёнка, что из своего университета вылетишь – не заметишь, на первом же курсе.

Саня демонстративно потыкал пальцем в синий новенький студенческий.

– Если возьмёте, сам отчислюсь.

– Иди учись! – казалось, этот ответ только больше разозлил Злобина. – Пошёл отсюда.

– Мне нужна эта работа! И характеристика! Положительная! Мне брата из детдома без неё не отдадут! Мне плевать

на учёбу! Мне очень нужна эта работа! И мой брат!

Шматко тогда переглянулся со Злобиным и набрал кому-то по телефону:

– К вам сейчас пацан подойдёт, светлый такой, упёртый, как баран. Да. Оформите его сегодняшним днём. А через месяц подадите на подпись его характеристику. Сугубо положительную. Да.

А когда положил трубку, взглянул на Саню:

– Всё слышал? Пулей на второй этаж в двести двадцатый. И не дай тебе бог облажаться, парень.

Спустя месяц документы на оформление опеки над мелким были поданы в полном объёме. Придаться было не к чему. Забирая брата на материной красной «мазде», Саня всё время отвлекался, чтобы то глянуть на брата, то потрепать того по голове. Переполюнявшее его чувство вряд ли можно было выразить словами. За прошедшие семь месяцев оба похудели, у обоих под глазами залегли синяки. Но Саня... остервенел, что ли... А мелкий замкнулся и пропах детдомом.

– Это ничего, это отмоется, – буркнул невпопад в продолжение своих мыслей Сашка.

– Лучше на дорогу смотри, – усмехнулся мелкий, интуитивно понимая, о чем бормочет старший.

И отмылись, и отъелись. За прошедшие три года мелкий вытянулся, перешёл в девятый класс, получил КМС по прыжкам на батуте, с девочкой задружился, даже как-то раз

домой её приводил. Смешные они. Стесняются. Наверное, Саня когда-то был таким же, но уже не помнил когда, да и был ли? Сказать, что он выдюжил всё сам – форменная ложь. Шматко и Злобин взяли своего рода над ними шефство. Помогали и словом и делом. Каждый, конечно, по-своему. Но в три шкуры с него драли оба, без жалости, особенно первое время. А вот мелкого балуют до сих пор, «сыном полка» называют. Впрочем, так и есть. Бывало, мелкий дневал и ночевал в части, особенно в праздники, когда Саня не вылезал из вызовов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.